

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ СЛОЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАРИ-ПЬЕР РЭЙ

ЗАПИСКА АНАЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ОБСЕРВО
№10, ФЕВРАЛЬ 2015

ОБСЕРВО АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРИ ФРАНКО-РОССИЙСКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ

Аналитический центр Обсерво был основан в марте 2012 г. по инициативе Экономического совета Франко-российской торгово-промышленной палаты. Задачами Аналитического центра Обсерво являются осуществление комплексного экспертного анализа России, а также способствование лучшему пониманию французских реалий представителями российской политической и экономической элиты. Центр Обсерво выпускает аналитические записки и Ежегодный обзор, посвященные России. Центр также организует конференции, семинары и пресс-конференции в Париже, Москве, во французских и российских регионах. При Аналитическом центре Обсерво действует Научный совет, члены которого принимают активное участие в его работе. Научный совет объединяет 14 французских и российских ведущих экспертов. В него входят Ален Блум (Alain Blum), Паскаль Бонифас (Pascal Boniface), Пьер Копп (Pierre Kopp), Жан Радвани (Jean Radvanyi), Мари-Пьер Рэй (Marie-Pierre Rey), Жорж Соколофф (Georges Sokoloff), Изабель Факон (Isabelle Facon), Евгений Гавриленков, Сергей Караганов, Наталия Лапина, Федор Лукьянов, Руслан Пухов, Константин Симонов, Татьяна Становая.

АВТОР

Мари-Пьер Рэй является выпускницей Высшей нормальной школы (ENS, Париж), профессор, доктор исторических наук Университета Париж I-Пантеон-Сорбонна. Мари-Пьер Рэй работает на кафедре российской и советской истории в Университете Париж I-Пантеон-Сорбонна и занимает пост директора центра по изучению истории славян в этом же университете. Также Мари-Пьер Рэй курирует преподавание истории во Французском университетском колледже в Москве и в Санкт-Петербурге и возглавляет Ассоциацию «Друзья русского наследия». Два раза (в 2002 и 2011 годах) она была приглашенным научным сотрудником (Visiting Fellow) Института Нобеля в Осло. В сферу ее научных интересов входят, в первую очередь, история России и Советского Союза (XIX-XX века, внешние и внутренние аспекты), история российско-европейских взаимоотношений, история Холодной войны. Мари-Пьер Рэй награждена орденом кавалера Почетного Легиона.

* Иллюстрация на обложке: «Приезд иностранцев в Москву XVII столетия». Источник: Сергей Иванов, 1901. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея, Москва. Опубликовано в Ежегодном докладе франко-российского центра Обсерво «Россия 2013». Издательство Новый Век Медиа, Москва, 2013, стр. 130.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
1. К истокам отношений России и Западной Европы: основополагающее наследие дореволюционного периода.....	5
1.1. Образ России в Европе в Новое время.....	5
1.2. Россия по отношению к Европе: глубокое недоверие, питаемое религиозными представлениями.....	6
1.3. Изменения XIX века.....	8
2. СССР и Западная Европа: отторжение, недоверие и восхищение.....	11
2.1. Большевиcтская революция существенно меняет курс.....	11
2.2. Сталинское восприятие.....	12
2.3. Хрущевский период: между верностью сталинскому восприятию и нововведениями.....	13
2.4. От брежневского СССР до горбачевской перестройки.....	14
3. Российская Федерация и Европейский союз: между сближением, партнерством и недоверием.....	18
3.1. Президентство Бориса Ельцина, время «возвращения к Европе».....	18
3.2. Между разочарованием и непониманием, Россия и Европейский союз в эпоху новых задач, 1996-2000 гг.....	20
3.3. Россия и Европейский союз в эпоху Путина.....	22
Заключение.....	24

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних месяцев украинский кризис привел к ощутимой деградации в отношениях между Россией и Западной Европой, которые сегодня характеризуются политическим и экономическим напряжением, а также атмосферой взаимной подозрительности. Для некоторых наблюдателей возникшая ситуация по своей риторике и практике напоминает холодную войну. Она словно демонстрирует, что четверть века, прошедшая с исчезновения Советского Союза, в результате оказалась лишь временным отступлением, которое не смогло поставить под сомнение характерное недоверие, унаследованное от многих десятилетий идеологического и геополитического противостояния.

Подобный анализ не лишен основания, и действительно самые часто употребляемые термины для обозначения «другого», иначе сказать «врага», отсылают нас к терминологии холодной войны. Тем не менее, он не исчерпывает всю сложность отношений России и Западной Европы, в которых в течение веков чередовались периоды сближения и обособления, в постоянном колебании между восхищением и отторжением, притяжением и отталкиванием, в контексте их самоопределения¹. Для того чтобы разобраться в этих сложных отношениях на протяжении долгого времени, мы коснемся сначала дореволюционного периода, чтобы показать как в эту эпоху складывались и утверждались представления, образы и практики. Затем мы посмотрим, как в XX-м советском веке это наследие было частично разрушено, и старые стратегии мышления были замещены новыми критериями анализа. Наконец, мы обратимся к постсоветскому периоду и попробуем сделать выводы.

---

¹ Для более глубокого разбора этих вопросов см. работу Martin Malia «L'Occident et l'énigme russe. Du cavalier de bronze au mausolée de Lénine», Seuil, 2003, («Запад и русская загадка, от медного всадника до мавзолея Ленина»), и в качестве отклика на эту работу – мой собственный труд «Le dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine», Paris, Flammarion, 2002 («Русская дилемма, Россия и Западная Европа от Ивана Грозного до Бориса Ельцина»).

1. К ИСТОКАМ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАСЛЕДИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

До конца XVI – начала XVII века русско-европейские отношения на дипломатическом уровне практически не существовали. При московском дворе не было постоянных посланников, и царь также не располагал своими представителями в западных землях. В эту эпоху контакты между русскими и европейцами с запада происходят косвенно, через купцов и негоциантов, немногие из которых отваживаются отправиться в Россию. Однако с этого времени утверждаются враждебные представления с обеих сторон.

1.1. ОБРАЗ РОССИИ В ЕВРОПЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ

До первой трети XVIII века Россия и русские в Европе имели отрицательный образ, появившийся в царствование Ивана III. Он складывался из трех составляющих².

Первый – культурный: в географическом представлении европейцев, которые приезжают в Московию (в первую очередь дипломатов и купцов Ганзейского союза), она не является частью Европы, так как не знала ни Возрождения, ни гуманистической революции, и нравы в этой стране считаются крайне грубыми. Конечно, Россия – христианская страна, что в Средние Века являлось ключевым критерием для определения европейской принадлежности, но по мере того как завершились Средние Века, и на смену им пришли духовные и нравственные представления XVI века, Россия оказалась отброшенной за границы европейского континента. В качестве примера мы можем упомянуть здесь записки посланника Герберштейна, который, благодаря своей книге воспоминаний «Записки о Московии» 1549 года, много способствовал созданию образа России как страны неевропейской, отсталой в своем варварстве и бескультурии.

К этому культурному элементу добавляются еще два, несколько другого свойства. Для большого числа европейцев в XVI веке Россия Ивана III характеризуется жестоким деспотическим режимом, который отчасти напоминает образ правления, установленный монгольскими ханами. Более того, рассказы бояр и письма русских, сбежавших от режима Ивана IV Грозного, и нашедших

² Эти образы нам хорошо известны благодаря трудам большого количества историков, большинство из которых – французы. Здесь можно назвать работы Марии-Луизы Пелюс, которая изучала политический образ России в XVI веке или труды Франсины-Доминик Лиштенан, которая опубликовала различные статьи об образе России и ее царей в XVIII веке. Притом, что политические образы России, ее режима и нравов были в достаточной мере охвачены историками, именно культурные, философские и художественные образы привлекали их особое внимание. Мы можем в качестве примера привести здесь работу историка Альберта Лортолари, названную «Философы XVIII века и Россия, русский мираж во Франции в XVIII веке» (« Les philosophes du XVIIIème siècle et la Russie, le mirage russe en France au XVIIIème siècle », Paris, Bouin, 1951); а также работу Мартина Малиа, указ. соч., и мой собственный труд «Русская дилемма», указ. соч.

пристанище в польско-литовских землях, как и западные памфлеты о разрушениях, совершенных во время Ливонской войны, еще больше подчеркивают образ русского царя как безжалостного чудовища; но с тех пор к этому второму элементу, добавляется третий, геополитический: считая Россию опасной, по причине ее экспансионизма, европейцы стремятся отдалить ее от своего континента, любой ценой задержать ее продвижение на Запад.

Вместе эти три образа (варварской страны, деспотического правления и опасной для Европы державы) будут существовать на протяжении столетий, пока в начале XVIII века это враждебное представление отчасти не изменится: военные успехи Петра Первого, сделавшие Россию великой державой севера континента, его стремление к восприятию европейской культуры, для сближения русских и европейских элит, а также его привлечение европейских инженеров и мастеров – все это повлияет на улучшение образа России. Однако лишь в эпоху правления Елизаветы Петровны, и даже скорее Екатерины Второй, европейские властители дум начали считать Россию одновременно самостоятельным участником европейских дел, и страной, по праву принадлежащей к сообществу цивилизованных государств. Тем не менее, изменение образа было не всеобщим: Фридрих II, прусский король, говорил о русских как об «орде варваров» и «отъявленных убийцах». А Людовик XV объявил о своем желании держать Россию на краю континента. Мы видим, что враждебность по-прежнему остается. Однако в то же время с русской стороны тоже превалирует недоверие, если не сказать враждебность.

1.2. РОССИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРОПЕ: ГЛУБОКОЕ НЕДОВЕРИЕ, ПИТАЕМОЕ РЕЛИГИОЗНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

В конце Средних веков русское самосознание, еще не утвердившееся, уже представляется неотделимой от православной веры³. Первоначально унаследованное от Византии, православие понемногу «индивидуализировалось»: с момента падения Византии оно отдалается от первоисточника, и обретает собственные формы; оно также «национализировалось» - на смену греческим епископам и священникам вскоре приходят русские. Эта вера быстро способствовала сплочению русского народа, сначала в борьбе с тевтонскими рыцарями (1242), затем против татар (1480), и, наконец, против польских «папистов», изгнанных из России в 1612-13 гг. во времена Смуты. Союз русскости и православия очень скоро принес свои плоды, однако несмотря на это, он принимает антиевропейский характер: стараясь отмежеваться от назойливого влияния Византии, и защититься от польско-литовских «папских» притязаний, русские, начиная с XVI-XVII веков проявляют недоверие по отношению к Европе, которую они воспринимают как источник опасности.

³ См. Michel Heller, «Histoire de la Russie et de son empire», Paris, 1999, réédition en Champs Flammarion, 2009, passim, («История России и ее империи»).

К этой подозрительности, поначалу питаемой религиозными предубеждениями, с началом правления Ивана Грозного (1547-1584) прибавилась и политическая составляющая. В это время Запад привлекателен для русской власти. С одной стороны, царь, желая сделать из России морскую державу, осознал интерес продвижения к Балтийскому и северным морям; с другой стороны, понимая техническое и технологическое превосходство европейских держав, он стремится компенсировать отставание России в этой области; отсюда его относительно любезное отношение к иностранцам в России: об этом свидетельствует принятие пленных ливонских дворян на русскую дипломатическую службу, немецких наемников в качестве артиллеристов или также разрешение английским промышленникам развивать в Вологодском крае металлургические производства. Но в то же время власть опасается Запада, чьи пагубные идеи способны причинить вред самодержавному правлению, и это хорошо видно на примере переписки царя с королевой Англии Елизаветой I. Впоследствии это двоякое отношение к влиянию Запада примет еще более острый характер: безусловно, Петр I стремится «европеизировать» государство, армию и систему управления, сделать эти структуры более современными и улучшить их работу; но вместе с тем, он все время следит, чтобы эти заимствования оставались под его строгим контролем. Екатерина II, в свою очередь, в первые годы своего царствования потворствует связям с Западом – духовным, политическим и культурным – однако Пугачевский бунт, и особенно радикальное движение, начатое Французской революцией, которого она не понимает, и которое ее пугает, ставят под сомнение эти связи. Начиная с 1789-90 гг., империя сосредотачивается на себе, масонские ложи закрыты, а писатели и издатели – Радищев, Новиков и др. – обвиненные в мятежных настроениях, отправлены в тюрьму или в ссылку.

Глубокая подозрительность по отношению к Европе очень рано возникла в русской церкви и государстве, и вскоре российские мыслители не заставили себя долго ждать – начиная с XVIII века некоторые из них начинают задаваться вопросом о смысле этих «заимствований» у Европы, которые, по их мнению, могут навредить русскому самосознанию. Проводимая исподволь, европеизация Руси, провозглашенная Петром I⁴, привела к некоторой «дерусификации» дворянской элиты. С детства воспитанные в западных традициях, владеющие французским, немецким и английским свободнее, чем родным языком, они перестают знать устные традиции и культуру, обычаи и фольклор, одним словом, отмежевываются от остального населения и принимают иностранные нравы; но такое развитие волнует некоторых, начиная с собственного сына Петра I,

---

⁴ Библиография, посвященная Петру Великому и процессу европеизации крайне важна. Мы приведем здесь лишь труд Lindsey Hughes, «Russia in the Age of Peter The Great», New Haven and London, Yale University Press, 1998 («Россия в век Петра Великого»). Robert Massie, «Pierre le Grand, sa vie, son univers», Paris, Fayard 1985 («Петр Великий, его жизнь и его мир»), и Francine-Dominique Liechtenhan, «Pierre le Grand», Paris, SPM, Chronos, 2012, («Петр Великий»).

царевича Алексея. Убийство Алексея⁵, «виновного» в «предательстве» заставит недовольных на некоторое время замолчать. Однако начиная с последней трети XVIII века, у таких мыслителей как Сумароков или Щербатов возникает подобное беспокойство о вредном влиянии Европы и ее ценностей на русскую культуру и самосознание.

Начиная с Нового времени, Россия и Европа поддерживают сложные и двоякие отношения, характеризующиеся часто враждебными стереотипами и предрассудками, при этом их непосредственные связи ограничены. На протяжении XIX века эти связи станут укрепляться: дипломатические и консульские представительства открываются по мере возникновения конфликтов (наполеоновские войны, Крымская война, балканские войны...), русские и европейцы все ближе в этих столкновениях, то как союзники, то как враги. Что же стало с образами, унаследованными из прошлого в контексте этих изменений?

1.3. ИЗМЕНЕНИЯ XIX ВЕКА

Весной 1814 г. Александр I⁶, победитель Наполеона на исходе Французской кампании желает войти в Париж, чтобы продемонстрировать свое великодушие, и таким образом, европейский характер России⁷. Он в самом деле стремится обличить лживость наполеоновской пропаганды, которая изображала его как северного варвара во главе азиатского государства. Этот символичный визит царя в Париж, «город мира», увенчался успехом и заметно улучшил образ России на международной арене. Отныне европейский характер России больше не оспаривается, и Российская империя занимает место великой европейской державы, как в дипломатическом, так и в военном плане. Вместе с тем Россия продолжает наводить страх, и если Александру I на время удалось внушить доверие европейцам, то уже начиная с царствования Николая I, Россия становится «жандармом Европы», и снова воспринимается как восточная деспотия, препятствующая европейским свободам. В этом враждебном восприятии основную роль сыграла русская армия, подавившая Польское восстание 1830 г. Нужно также отметить и влияние сочинения маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», настоящего бестселлера эпохи, который ввел тему русского «варварства», скрывающегося под тонким слоем цивилизации. Десять лет спустя, резкое вмешательство России в дела империи Габсбургов, и подавление венгерской революции возбуждает новую волну русофобии в Европе: снова расцветают стереотипы о русском варварстве и деспотизме, в то время как дипломатическая и геополитическая мощь царской империи все больше и больше пугают, а русский общественный строй, основанный на рабстве, представляется все более устаревшим.

⁵ См. Alain Besançon, «Le Tsarévitch immolé : la symbolique de la loi dans la culture russe», Paris, Payot, 1991 («Убиенный Царевич: символика закона в русской культуре»).

⁶ Обзор правления Александра I см. в книге Marie-Pierre Rey, «Alexandre Ier, le tsar qui vainquit Napoléon», Paris, Flammarion, 2009 et 2013. На русском опубликовано издательством РОССПЕН в 2013 г. («Александр I»)

⁷ См. Marie-Pierre Rey, «1814, un Tsar à Paris», Paris, Flammarion, 2014 («1814, Царь в Париже»).

Царствование Александра II внесло радикальные изменения в этот отрицательный образ: отмена крепостничества примиряет Европу с Россией, и в европейском представлении Россия снова становится на путь цивилизации. Тогда же в Западной Европе, и особенно во Франции, множатся лестные описания России, и в то же время европейцы открывают русскую культуру через некоторых ее выразителей⁸: Иван Тургенев, долгое время прожил в Париже, дружил с французскими писателями, публицистами и журналистами, среди которых распространял русскую литературу; Проспер Мериме, автор «Кармен», переводил некоторые произведения Пушкина; Луи Виардо, друг и переводчик Тургенева, переводил также рассказы Гоголя.

Этот новый интерес к русской культуре сопровождался более глубоким знанием России, ее экономических, общественных и политических реалий. В этом отношении масштабный труд Анатоля Леруа-Болье, названный «Царская империя и русские», первый том которого опубликован в 1881 г., второй – в 1882 г., и третий – в 1888 г., играет важную роль в изменении отношения: на смену памфлетному стилю Кюстина приходит стиль беспристрастного аналитика, желающего создать наиболее точную картину современной России.

Таким образом, в 1914 г., накануне Первой мировой войны, образ России в Европе глубоко изменился. На смену образу страны, которая вдвойне находилась за пределами Европы, вне континента и вне европейской цивилизации, во второй трети XIX века и даже скорее в последней трети XIX века приходит образ государства, законно принадлежащего европейскому континенту по своим геополитическим, дипломатическим интересам, а также по своей цивилизации и культуре.

Со стороны России – напротив, вопросы и сомнения, возникшие в Новое время, далеко не исчезли.

На протяжении XIX века славянофилы, панслависты и националисты вроде Каткова или Достоевского желают отмежеваться от европейской модели, которую они считают чуждой русскому пути. Для них западноевропейская культура и ее ценности являются иллюзорными, источником морального и духовного упадка, в то время как Россия, опирающаяся на православную веру и уверенная в своей национальной правоте, должна сама найти в себе силы для модернизации и стать, в свою очередь, образцом для Запада, так как именно в таком движении России к Европе они видят залог ее политического и духовного здоровья. Впрочем, Чаадаев пойдет очень далеко в своих притязаниях на европеизацию России, и отвергнет православие, обвинив его в отсталости России, и перейдет в католичество.

Начиная с 1860-1870 гг., этот главный вопрос о том, нужно ли следовать по европейскому пути, или, напротив, от него отклониться, волнует и радикаль-

⁸ Об этих выразителях см. выдающуюся диссертацию Джанни Кариани, защищенную в Страсбургском университете: Gianni Cariani « Une France russophile ? Découverte, réception impact, la diffusion de la culture russe en France de 1881 à 1914 », Lille Editions du Septentrion, 2001 («Руссофильная Франция? Открытие, восприятие, влияние и распространение русской культуры во Франции с 1881 по 1914 гг.»).

ные движения, которые появляются в России в эту эпоху; теперь сторонники марксистской теории, завезенной из Западной Европы, которую проповедуют Плеханов, а затем Ленин, противопоставляются приверженцам русского пути к социализму, среди которых Герцен, а вслед за ним народники и социал-революционеры...

В то же время русское государство продолжает задаваться вопросом о своем вкладе в Европу. Несомненно, после наполеоновских войн Александр I играет важную роль в преобразовании карты Европы, утвердившемся на Венском конгрессе, и в царствие Николая I самодержавное государство продолжает активную деятельность на европейской арене. Но несмотря на это влияние, Россия все еще боится контактов с Западной Европой. В военном плане, французская кампания 1812 г. была источником неслыханных страданий, а в 1853-56 гг. катастрофическое поражение в Крымской войне было унижительно жестоким. В политическом плане, государство все еще опасается крамольных европейских идей. Как следствие этого, царская власть непрерывно колеблется между периодами открытости – как либеральный период правления Александра I, и периодами закрытости: как полицейский и ксенофобный режим Николая I, и как упорство властей, не пожелавших до 1917 г. избрать путь парламентаризма. Как мы видим, отношение к Европе остается сложным накануне революций 1917 г.

2. СССР И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: ОТТОРЖЕНИЕ, НЕДОВЕРИЕ И ВОСХИЩЕНИЕ

Если февраль 1917 г. обозначил начало политического сближения России и Европы, то октябрь 1917 г. в корне изменяет существовавшие отношения с Западной Европой: впервые за всю свою историю России больше не нужно сопоставлять себя с некой мифологизированной Западной Европой, теперь она сама становится идеологической моделью, в соответствии с которой должна определяться Европа⁹.

2.1. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СУЩЕСТВЕННО МЕНЯЕТ КУРС

Октябрьская революция кардинально меняет сложившиеся отношения с Западом, и с Европой в частности. Твердо уверенные в превосходстве своей socio-политической системы над системой капиталистической¹⁰, советская элита сумела положить конец той идеологической, нравственной и интеллектуальной «зависимости» России от Западной Европы. В Западной Европе пришло время попутчиков, адептов, которые страстно наблюдают за пришествием нового советского режима, и верят в его мировой характер; а в России советские руководители, гордые тем, что они воплощают революционное будущее, призванное распространиться за пределы национальных границ, также осознают эту идеологическую «инверсию». Сталин подчеркивает это:

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь»¹¹

При этом, несмотря на изменение курса, отношения с Европой остаются необходимыми. Для основоположников советской системы, и для Ленина в первую очередь, жизнеспособность режима тесно связана с революцией в Европе; таким образом, речь идет не об изоляции, а, наоборот, о необходимости распространения советской модели на европейскую территорию. Отсюда, с одной стороны, создание в 1919 году агитационной сети Коминтерна, а с другой – необходимость защититься от Европы, традиционно воспринимаемой в каче-

⁹ Об этой инверсии и роли образца Советской России, а затем СССР, см. работы Софи Кере, в частности ее книгу Sophie Coeure, « La grande lueur à l'Est, les Français et l'Union soviétique », 1917-1939, Paris, Seuil, 1999 («Яркий луч на востоке, французы и Советский Союз. 1917-1939»). И ее недавняя биографическая работа, посвященная Пьеру Паскалю, под названием «Пьер Паскаль, Россия между христианством и коммунизмом», Париж, 2014 (издана на русском языке). А также издание дневника Пьера Паскаля за 1928-1929 гг., который она совсем недавно опубликовала со своими комментариями.

¹⁰ Только начиная с конца 60-х – начала 70-х гг. некоторые технократы начинают высказывать сомнения в этом превосходстве, и ратуют за контакты и заимствования на Западе.

¹¹ Цит. по: Vera Tolz, in « Russia: Inventing the Nation », London, Arnold, 2001, стр. 107 («Россия: изобретая новую нацию»).

стве угрозы: западная интервенция в Гражданской войне, в то время как страна была уже истощена четырьмя военными годами, и поддержка западными государствами Белой Армии – все это подтверждает представление об угрозе.

Однако такое восприятие оказало важное влияние на внешнюю политику молодого государства. Оно объясняет желание советских руководителей в первой половине 20-х годов «использовать противоречия империалистов между собой», что привело к заключению советско-германского договора в Рапалло в 1922 г., и безусловно отразилось на сталинском восприятии.

2.2. СТАЛИНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Сталин с презрением относился к капиталистическим ценностям и идеологии Запада¹². Однако при этом советский вождь был одержим экономической модернизированностью и эффективностью Запада и очень скоро у него рождается замысел сделать из СССР мощную индустриальную державу, способную выступить на международной арене и соперничать с капиталистическими государствами. Начиная с 1931 г., он выражает свое беспокойство по поводу отставания СССР, подчеркивая его непрочность:

«Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹³

Эта двоякая одержимость, одержимость идеей сильной державы, которую необходимо создать, и одержимость отставанием, которое необходимо сократить – наглядно показывает экономические приоритеты Сталина, который стремится к развитию тяжелой индустрии, безжалостно жертвуя при этом крестьянством, которое, по его мнению, не поддерживает его планы. Кроме того, подобная одержимость объясняет природу его дипломатического выбора: начиная с 1937 г., Сталин, будучи скептически настроенным к осуществлению союза с западными демократиями, и представляя неспособность СССР вести победоносную войну, намечает первые шаги к сближению с Германией, а два года спустя подписывает советско-германский пакт.

Сразу после Второй мировой войны советское беспокойство по поводу Запада не угасает, поскольку Европа продолжает быть в центре внимания советского вождя.

Действительно, несмотря на получение СССР собственного атомного оружия в 1949 г. и идеологию, претендующую на мировой масштаб, распространяемую на Западе верными коммунистическими партиями, СССР после войны продол-

¹² См. его высказывание 1947 г., когда он перед группой ученых начинает в язвительной форме обличать «неоправданное преклонение перед заграничной культурой» русской интеллигенции. Цит. по: Marie-Pierre Rey, «Le dilemme russe», указ. соч. с.234.

¹³ Там же, с.237.

жает себя определять как региональную силу, евразийскую «по естественным причинам», согласно урокам истории и географическим условиям.

Это территориальное и региональное восприятие советской страны поддерживает и послевоенная сталинская дипломатия: она побуждает кремлевского вождя отстаивать свое право на зоны влияния в Европе, и затем устанавливать надежные и покорные режимы в Центральной и Восточной Европе, невзирая на право народов на самоопределение. Она также определяет политику экспансии в направлении Балкан, Турции и Ирана, и объясняет всю политику Сталина в отношении Германии¹⁴.

2.3. ХРУЩЕВСКИЙ ПЕРИОД, МЕЖДУ ВЕРНОСТЬЮ СТАЛИНСКОМУ ВОСПРИЯТИЮ И НОВОВВЕДЕНИЯМИ

В хрущевскую эпоху идея Европы, как опасной и враждебной территории, продолжает существовать, но основная тема работ в советских исследовательских институтах – это значение Германии в Европе, и опасности, которые она создает во время Холодной войны и затем в период мирного сосуществования. Во внутренних архивах партии эта немецкая угроза рассматривается по трем основным параметрам: милитаризм, воспринимаемый как пережиток фашизма, капитализм, называемый «монополистским», который напоминает советским исследователям картели межвоенного периода, и реваншизм. В период десталинизации взгляд советских руководителей на европейские вопросы остается в русле традиций сталинского периода. Однако по мере того, как советская держава переходит к глобализации и решается выйти за рамки евразийского пространства, начинают намечаться перемены¹⁵.

Безусловно, эта глобализация еще не полностью проявилась на практике в 1959-60 гг., появление СССР на американском континенте зависит скорее от умелого использования ошибок и оплошностей американской дипломатии, чем от заранее установленного плана. Однако развитие происходит постепенно: после Суэцкого кризиса, из которого Советский Союз смог извлечь пользу, хрущевская дипломатия добивается значительных успехов в арабском мире и советское влияние растет среди новых независимых государств деколонизированной Африки, таких как Гана или Гвинея.

---

¹⁴ См. работу Laure Castin-Chaparro, «Puissance de l'URSS, misères de l'Allemagne, Staline et la question allemande», 1941-1955, Paris, Publications de la Sorbonne, 2002 («Мощь СССР, ничтожество Германии, Сталин и немецкий вопрос, 1941-1945») и работу В. Зубок, К. Плешаков «Кремлевская холодная война изнутри» Harvard University Press, 1997. См. также статью Mikhail Lipkin, «Avril 1952, la conférence économique de Moscou: changement de tactique ou innovation dans la politique extérieure stalinienne?», Relations internationales, 2011/3. n°147. стр. 19-33 («Апрель 1952 г., экономическая конференция в Москве: смена тактики или обновление сталинской внешней политики?»).

¹⁵ См. работу Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, «Khrushchev's Cold War: The Inside Story of an American Adversary», New York City, Norton and Company, 2006.

В то же время восприятие советскими руководителями своей страны также эволюционирует: для Хрущева¹⁶ и его окружения СССР определяется как страна «по своей природе европейская», а Европа совершенно четко остается центром внимания советских руководителей. Но отныне, когда коммунистические лидеры упоминают советскую державу, эпитет «мировая» становится обязательным. В своем докладе на XX Съезде КПСС в феврале 1956 г. М. Сулов заявляет в своеобразной манере, что «нет ни одной важной международной проблемы, волновавшей в эти годы народы всего мира, по которой Советский Союз не сказал бы своего слова, не внес бы свой большой вклад в ее решение»¹⁷. Три года спустя, в январе 1959 г., приезд Микояна в США, а затем успешный визит Хрущева на американскую территорию в сентябре выводят американско-советский диалог на высший уровень, и способствуют возникновению на международной арене образа советской «сверхдержавы». В конце концов, это изменение курса вписывается также в систему принятия решений, так как, начиная с 1956-57 гг., советское государство располагает новым инструментом анализа и изучения международных отношений – ИМЭМО, который в первую очередь должен заниматься проблемами стран третьего мира.

Впоследствии это изменение курса, очевидное с 1956-57 гг., усиливается на протяжении брежневской эпохи.

2.4. ОТ БРЕЖНЕВСКОГО СССР ДО ГОРБАЧЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Брежневская эпоха (1964-1982) характеризуется присоединением СССР к стратегическому паритету, зафиксированному договорами ОСВ: отныне советская стратегическая мощь существует наравне с мощью Соединенных Штатов, и совместное участие в решении крупных кризисов этого периода – Шестидневной войны, войны Судного Дня – свидетельствует о развитии в сторону биполярного мира, или «кондоминиума» - определение, которое льстило советским руководителям. Одновременно с этим они зорко следили за европейской сферой, что подтверждается их настойчивым желанием заключить договор, который сможет зафиксировать временные границы, утвержденные в Потсдаме. Но как только дело было начато – Хельсинкский заключительный акт был подписан 1 августа 1975 г. – Европа перестала быть основным предметом их интересов: брежневский СССР продолжал завоевывать влияние на африканском континенте и закреплять свои достижения в Латинской Америке и Азии; в этот период, как никогда прежде, Советский Союз в самом деле выступал в роли мировой державы.

¹⁶ Его личная роль в разработке советской внешней политики подчеркивается в воспоминаниях многих бывших дипломатов и членов центрального аппарата. См., например, воспоминания Андрея Александрова-Агентова «От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата», Москва, Международные отношения, 1994.

¹⁷ Доклад Михаила Сулова на XX съезде КПСС, цит. по: James Richter, «Khrushchev's Double Bind», Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1994, стр. 84.

В эту же эпоху, успешную в плане международных отношений, советское государство, казалось бы, больше не опасается контактов с Западной Европой. Благодаря разрядке, удается даже установить настоящее экономическое сотрудничество с западноевропейскими странами, такими как ФРГ или Франция, которое сопровождается более тесными культурными связями. В тот момент, когда советские руководители начинают осознавать свои проблемы в своей экономике, они пытаются, как в царское время, исправить их с помощью заимствования западных технологий.

Все же эта первая попытка сближения с Западной Европой оказывается кратковременной. С 1977-78 гг. советские руководители начинают идти на пятую и пересматривать политику разрядки и сотрудничества с Западной Европой. Несмотря на экономические и коммерческие преимущества подобного сотрудничества, такая политика оказывается дорогостоящей для СССР, а более активные контакты с западными государствами Европы вызывают рост давления и возмущения со стороны Запада по вопросам прав человека. Для советских руководителей, которые воспринимают это как признаки возмутительного вмешательства во внутренние дела стран соцлагеря, совершенно недопустимо поддаться этим «пагубным» нападкам, вредным как для системы общественной безопасности, созданной в Восточной Европе, так и для основ самого режима¹⁸. В этих условиях, когда режиму все труднее защищаться от новых «угроз» идеологической заразы, идущей с запада, он укрепляет свои позиции по отношению к Западной Европе и настраивается с 1977-78 гг. на политику напряженности, что наглядно проявляется в кризисе «евроракет»¹⁹.

К этому времени контакты с Западной Европой завершились неудачей, и старые образы, основанные на враждебных представлениях, казалось бы, снова взяли верх. Однако на самом деле, несмотря на свою эфемерность, период сближения и добрососедства между СССР и Западной Европой имел положительное влияние на взаимное восприятие с той и с другой стороны. Непосредственные контакты, установленные между политическими и экономическими деятелями, способствовали тому, что многие враждебные предрассудки – наследие холодной войны – были забыты, и две стороны смогли лучше узнать и понять друг друга. Подобный отход от идеологических представлений, прерванный охлаждением отношений между 1980 и 1985 гг., был подтвержден и усилен горбачевской перестройкой.

Начиная с 1985 г., и даже скорее с 1987-88 гг., горбачевский СССР разворачивает политическую, а также психологическую и духовную революцию, которая имеет очевидное влияние на дипломатическую практику, а также на ценности,

¹⁸ Многие доклады, написанные Юрием Андроповым, в то время главой КГБ, показывают очень тонкое восприятие опасности пагубного влияния или дестабилизации. См. например, доклад, написанный им в августе 1976 г. РГАНИ, Архивы КПСС, резолюция Центрального Комитета, 22/15, 24 августа 1976 г.

¹⁹ О кризисе «евроракет» см. Leopoldo Nuti, Frédéric Bozo, Marie-Pierre Rey and Bernd Rother, «The Euromissile crisis and the end of the Cold War», Stanford, Stanford University Press, 2015 («Кризис евроракет и конец холодной войны»).

которые власть отстаивает. Стремясь к «деидеологизации» внешней политики, Горбачев и его сподвижники – Шеварднадзе на посту министра иностранных дел, Добрынин во главе Международного отдела ЦК, и Черняев, советник по вопросам внешней политики – начинают вести активную дипломатическую политику, которая вскоре принесла плоды: достаточно вспомнить вывод советских войск из Афганистана, или подписание Вашингтонского договора в 1987, который впервые устанавливает единый порядок разоружения для обеих держав. Однако самые очевидные изменения происходят именно в отношениях с Европой.

До конца 1987 – начала 1988 гг. советская власть не полностью отошла от старых представлений и практик, и в концепции «общего европейского дома»²⁰, запущенной с декабря 1984 г. во время визита Горбачева в Лондон, можно найти прежнее стремление разъединить Соединенные Штаты и Западную Европу с целью в будущем прогнать американцев из Старого света. Но, начиная с 1988 г., он действует по-другому, и тогда намечается глубокая перемена – как в сознании, так и в политике.

В политическом плане Горбачев питает большие надежды по поводу этого «общего дома».

С одной стороны, он надеется на отношения нового характера с бывшими народными демократиями востока Европы. В этом общеевропейском пространстве обновленные народные демократии могут по соседству с Советским Союзом играть роль социализма «с человеческим лицом», то есть социализма терпимого, уважающего принципы непротivления силе и свободы выбора, те самые два принципа, которые Горбачев особо подчеркнул во время своего выступления на Генеральной ассамблее ООН 7 декабря 1988 г. Тем не менее, в этом плане горбачевские надежды окажутся напрасными, так как только бывшие народные демократии – Чехословакия и Польша в первую очередь – вновь получают свободу и независимость, они поспешат отойти от социализма, предпочитая вступить на путь перехода к капиталистическому режиму.

С другой стороны, что еще более важно, он ожидает нового характера отношений с Западной Европой. Теперь советская власть ждет от этих отношений не столько возникновения разногласий между Америкой и Западной Европой, сколько налаживания настоящего партнерства с последней. Чтобы продемонстрировать свое конкретное намерение сблизиться с европейским сообществом, советская власть одобрит установление официальных отношений между СЭВ и ЕЭС. Это будет предметом первой «совместной декларации», принятой в июне 1988 г. между двумя экономическими организациями, и первого соглашения о сотрудничестве, которое они заключают в конце 1988 г.

Кроме того, пересматривая свои собственные принципы, Горбачев положительно высказывается о постепенном сближении, основанном на западноев-

²⁰ Об истории концепции общего дома, см. Marie-Pierre Rey, «Europe is our Common Home»: A study of Gorbachev's diplomatic concept» in Cold War History, 2004, 4:2, 33-65 («Европа – наш общий дом: изучение концепции горбачевской дипломатии»).

ропейских ценностях – в первую очередь, уважение к свободам и правам человека, демократия и политический плюрализм. Отныне Западная Европа вовсе не представляется угрожающей, враждебной и чужой, а напротив, предстает носительницей цивилизации, к которой необходимо стремиться.

Широта поставленных задач, конкретная реализация которых заключается в подписании первого крупного договора о разоружении в Европе и присоединении СССР к «Парижской хартии для новой Европы» в ноябре 1990 г., и наконец основополагающий тезис этих задач (т.е. абсолютно европейская сущность России) – все это свидетельствует о радикальной перемене в отношении к Европе. Однако теперь в эпоху вновь обретенной свободы слова эта перемена вызывает оживленные дискуссии в обществе, резкую критику, и мы отмечаем появление крайне интересного расхождения между теми, кто верит в этот общий европейский дом, и теми, кто его отрицает во имя русского самосознания и русскости. Журналы «Наш Современник» и «Молодая Гвардия» обрушиваются с резкой критикой на «западную заразу», против которой нужно вести новую «Сталинградскую битву»²¹; а в январе 1991 г. «Парадигмы» публикует статью, утверждающую, что «никогда прежде западничество не приобретало в стране столь агрессивных форм, отвергая все русское»²².

Ответ «западников» на эти заявления был не менее резким. В 1990 г. В. Дашичев с большой долей нравоучения отстаивает горбачевские принципы в газете «Московские новости»; в марте 1991 г. Э. Шеварднадзе, который больше не занимает пост министра иностранных дел, решительно высказывается в пользу «европейского выбора», подчеркивая что:

«Если нам удастся решить наши национальные, экономические и политические проблемы, продолжить строительство демократического государства, действующего по закону, мы продолжим участвовать в создании цельного европейского пространства, экономического, законного, гуманистического, культурного и экологического. Его основы уже заложены. (...) Если мы хотим стать цивилизованной страной, мы должны обзавестись законами и принципами, принятыми в других цивилизованных странах»²³

Начиная с 1985 г., перестройка попыталась предложить новое решение европейской дилеммы России: постепенно сосредотачиваясь на европейских вопросах, на оригинальной концепции «общего европейского дома» и на содействии масштабному сближению СССР с различными западноевропейскими странами, горбачевская власть постаралась «найти европейский путь» и достаточно далеко продвинулась в этом направлении, примкнув в конце 1988 г. к

²¹ Vera Tolz, «Russia: Inventing the Nation», указ. соч., стр. 123.

²² Там же.

²³ Интервью Э. Шеварднадзе, записанное Федором Бурлацким, Литературная Газета, 10 апреля 1991. Цит. по: Neil Malcom, in «Russia and Europe: an end to Confrontation?» New York, Inter Pub Ltd, 1994., стр. 160 («Россия и Европа: конец конфронтации?»).

столь дорогим для Запада положениям – предоставив странам народной демократии право на суверенитет, не прибегая к применению силы на территории стран соцлагеря, а также присоединившись к Хартии для новой Европы в конце 1990 г. Этот путь не был воспринят определенной частью общества и элиты, привязанной к старым схемам. Начавшись в то время, когда страна испытывает всевозможные затруднения, он оказался полным скрытых препятствий, и вскоре стало ясно, что он несовместим с поддержанием советской системы, которая впоследствии рухнула в декабре 1991 г.

Таким образом, перестройка была важным этапом в возвращении России к Европе. Однако, возникает важный вопрос: основы, заложенные Горбачевым, происходят от системных перемен или от вторичных явлений? Наблюдая за ситуацией последних 25 лет, мы можем найти некоторые ответы на него.

3. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: МЕЖДУ СБЛИЖЕНИЕМ, ПАРТНЕРСТВОМ И НЕДОВЕРИЕМ

Кажется немислимым отразить всю сложность российско-европейских отношений за последние 25 лет в нескольких абзацах, когда столько изменений, колебаний, кризисов и периодов затишья чередовались в зависимости от изменений в международной ситуации и обстоятельств внутренней российской политики.

3.1. ПРЕЗИДЕНТСТВО БОРИСА ЕЛЬЦИНА, ВРЕМЯ «ВОЗВРАЩЕНИЯ К ЕВРОПЕ»

С января 1992 г. совсем молодая Российская Федерация определяет себя как суверенное государство, преемник советского государства, от которого она получает в наследство статус ядерной державы и дипломатические обязательства. Но эта преемственность лишь кажущаяся: де факто постсоветской России, которая «не может опереться ни на какую интеллектуальную или историческую основу»²⁴ отчаянно не хватает ориентиров: «ни география, ни история не могут прийти ей на помощь в этом преобразовании; модели, которые она примеряет, границы, которые ее окружают – ей совершенно чужды».²⁵

Встав во главе российского министерства иностранных дел в октябре 1990 г., и после распада СССР, Андрей Козырев сразу стал позиционировать себя как последователь школы Горбачева, претендуя на трезвость оценок. По его словам, прошло время мечтать о гипотетических проектах мирового влияния, и Россия, которая теперь не располагает средствами в меру своих прежних масштабных амбиций, должна поступать соразмерно с изменением своего статуса. С августа 1992 г. Совет по внешней и оборонной политике, будучи под влиянием мнения А. Козырева, заявляет в характерной манере:

«По большинству показателей, исключая общую площадь и ядерный арсенал, Россия стала средней державой»²⁶

В этих условиях, когда страна испытывает глубокий экономический и общественный кризис, а также кризис самосознания, российская внешняя политика 1992-1995 гг. вписывается в рамки горбачевской эпохи, и преследует три клю-

²⁴ См. James Richter, «Russian Foreign Policy and the Politics of National Identity» в сборнике Celeste A. Wallander, «The sources of Russian Foreign Policy after the Cold War, Boulder, Westview Press, 1996, стр. 69.

²⁵ См. Laetitia Spetschinsky, « Une politique étrangère à l'épreuve de la transition, contribution à l'étude de la politique russe à l'égard de l'Union européenne (1992-2000) », thèse de science politiques et sociales soutenue en juin 2010 à l'Université de Louvain La Neuve, стр. 175 («Внешняя политика под влиянием перемен, к изучению российской политики в отношении Европейского союза»)

²⁶ Цит. по: Catherine de Montlibert-Dumoulin, « Acteurs et mécanismes de décision de la politique étrangère russe », в сборнике « Les relations entre l'Union européenne et la Fédération de Russie », sous la direction de Tanguy de Wilde et Laetitia Spetschinsky, Louvain la Neuve, Institut d'Etudes Européennes, 2000, стр. 98.

чевые цели: поддерживать как можно более мирные отношения с различными государствами СНГ; восстановить свой статус в международном сообществе: с этой целью в апреле 1992 г. РФ вошла в Международный валютный фонд, а два месяца спустя присоединилась к Всемирному банку; и в рамках общего европейского дома утвердить европейский характер России: для этого Россия представляет свою кандидатуру в Совет Европы в мае 1992 г., а в ноябре начинаются переговоры с европейскими сообществами о проекте Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Для Ельцина, как и для Козырева подобное привилегированное партнерство на основе общедемократических ценностей, уважения к правам человека и свободы предпринимательства, должно стать важным инструментом демократизации страны, которая представляет и определяет себя как часть Европы. Об этом также свидетельствует заявление Бориса Ельцина перед Европейским Парламентом в Страсбурге, в котором он выражает свое намерение исправить несправедливость последних семидесяти лет и вернуть Россию Европе. Но поскольку он не достиг ощутимых результатов, концепция общего дома была забыта: в отношениях с Европой российская власть прежде всего ведет себя четко и прагматично.

Такая внешняя политика с ее региональной стратегией была названа недостаточно амбициозной, что спровоцировало споры в Государственной Думе и резкие отзывы в общественном мнении в момент, когда югославский кризис пробуждает в России просербские и антизападные настроения, что в итоге привело к смещению Козырева в декабре 1995 г.

Тем не менее, в этот переходный период установились доверительные отношения между Европейским союзом и новой Россией. Они формируются из различных частей: первая – это содействие: с 1990 по 1994 гг. в частности благодаря программе TACIS, запущенной в 1991 г., Европейское сообщество внесло 60% от общей суммы международной финансовой помощи на развитие нового российского государства²⁷. С этого времени Европейский союз также является основным коммерческим партнером России, так как с 1992 по 1995 гг. товарооборот с ЕС составил треть от общего объема внешней торговли России²⁸. И наконец, он начинает быть политическим партнером России: это доказывает соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное 24 июня 1994 г. на о. Корфу.

Очевидно, что период 1992-1995 гг. стал «медовым месяцем» в российско-европейских отношениях, и был отмечен влиянием «западнических» мнений. Однако Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное на Корфу, вступило в силу только два с половиной года спустя, 1 декабря 1997 г.! Между тем, противоречия и кризисные ситуации постоянно нарастали в условиях радикальных изменений.

²⁷ См. Andrei Zagorski, « Russia and European institutions» in Vladimir Baranovsky, (ed) Russia and Europe, the Emerging Security Agenda (Stockholm, SIPRI, 1997, стр. 519-540) («Российские и Европейские учреждения»).

²⁸ Для информации: 36, 4% в 1992 г.; 32,9% в 1993 г., 35,1% в 1994 г. и 32% в 1995 г.; см. Silke Machold; «Europe and Russia's External Economic Relations: An assessment», in Economic and Political Weekly, vol. 33, n°35, 1998, стр. 14 («Европа и российские внешние экономические отношения: оценка»).

3.2. МЕЖДУ РАЗОЧАРОВАНИЕМ И НЕПОНИМАНИЕМ, РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ НОВЫХ ЗАДАЧ, 1996-2000 гг.

В январе 1996 г. Евгений Примаков становится министром иностранных дел, это назначение должно было примирить как националистских, так и коммунистических лидеров, которые были все больше и больше уязвлены «подражательством» А. Козырева и его «услужливостью» перед Западом. Ему 67 лет, он выпускник Московского института востоковедения 1953 г., доктор исторических наук, говорит на нескольких языках, включая французский и арабский. Примаков в первую очередь выступил как академический специалист по Азии и Ближнему Востоку. Журналист (с 1962 по 1965 гг.) в «Правде», а затем корреспондент этой же газеты на Ближнем Востоке с 1965 по 1970 гг. Получив степень академика в 1975 г., он был назначен главой ИМЭМО с 1985 по 1989 гг., а при Горбачеве был включен в состав Президентского Совета в 1990-1991 гг. В этом качестве он будет трижды направлен в Ирак к Саддаму Хусейну, чтобы попытаться убедить его принять ультиматум ООН²⁹ в то время как разгорается война в Персидском заливе. В декабре 1991 г. Примаков назначен главой Службы внешней разведки России, этот пост он будет занимать до своего назначения на должность главы МИДа.

Вступив на пост министра, Примаков дал критическую оценку российской дипломатии. По его мнению, доброжелательность России по отношению к Западу, ее готовность интегрироваться в либерально-демократическое сообщество и наметившееся сближение между Россией и Западом после 1992 г. привело к тому, что она осталась в дураках: Россия не только не интегрировалась полноценно в международное сообщество, ей не только не удалось подняться до уровня равного партнера США, но, что еще хуже, в экономическом отношении желанной западной помощи не хватило, чтобы избежать глубокого кризиса, в который Россия погрузилась с 1992-1993 гг., а в геополитическом плане сферы влияния России сократились под направленным воздействием американской дипломатии. Поводы для разочарования и сожаления прибавились: НАТО удерживало Россию вне процессов решения кризиса в бывшей Югославии, лишь формально привлекая ее к Дейтонским соглашениям; более того, перспектива расширения НАТО на бывшие социалистические страны Восточной Европы вызвала глубокую враждебность российского государства: оно видит в этом прямую угрозу собственной безопасности.

Столкнувшись с этими ключевыми для России вопросами, Примаков заявит о себе, предложив перенацелить российскую дипломатию в рамках трех основных идей.

Первая относится к статусу России: по его мнению, преодолев сложный период, значительно ее ослабивший, она тем не менее не стала государством,

²⁹ Об этих биографических сведениях см. Caroline Ibos-Herve, « Les diplomates russes et la politique étrangère », in Les Etudes du CERI, n°32, octobre 1997, стр. 13 («Российские дипломаты и внешняя политика»).

которое по основным характеристикам можно было бы отнести к средним европейским державам; по своему географическому положению, своей истории и культуре, она остается евразийской державой, совершенно исключительной, чье подлинное влияние может быть только евразийским: здесь очевидно влияние тезисов, сформулированных в Российской империи в конце XIX века, и воспринятых основателями евразийской идеи в начале 1920-х гг.³⁰ Вторая идея относится к геополитическому анализу: окончание холодной войны должно способствовать возникновению многополярного мира, в котором внешняя политика должна обуславливать равновесие. Несомненно, сотрудничество с Западом, и с Европой в частности должно оставаться приоритетным для российской внешней политики, однако время безусловного западничества закончилось. Наконец, третья ключевая идея: Примаков выделяет в первую очередь концепцию «ближнего зарубежья», и уделяет особенное внимание бывшим советским республикам, где проживают 25 миллионов русских.

Российско-европейские отношения, далекие от любви к Европе, присущей переходному периоду 1992-1993 гг., начиная с 1996 г. вступают в более сложную стадию, сопровождаемую изменением международной обстановки.

Западная Европа остается одним из основных экономических и коммерческих партнеров, а также естественным политическим партнером; опасаясь расширения НАТО на страны бывших народных демократий или на некоторые из бывших советских республик, российские дипломаты предлагают решение, при котором «Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) станет основным элементом в обеспечении европейской безопасности»³¹. Эта ставка на ОБСЕ и на Европу, как на меньшую из зол по сравнению с НАТО, которая своим превосходством постоянно внушает страх, объясняет относительное расположение России к расширению Евросоюза в сторону своих бывших сателлитов. Тем не менее, российские власти также обеспокоены этим: при расширении Европы они опасаются, что Россия окажется отброшенной за пределы континента, а вступление новых стран обострит позиции Евросоюза по отношению к ней, и будет способствовать ее дальнейшему отстранению. В то же время со стороны Западной Европы также ощущается скрытое недовольство: хотя в 1996 г. Россия входит в Совет Европы, а в 1999 г. начинается новый этап Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, Европа постоянно упрекает российские власти в повторяющихся нарушениях принципов правового государства и прав человека, а также в способах урегулирования чеченского конфликта. С обеих сторон нарастает взаимная озлобленность, враждебность и непонимание. Эти чувства продолжают усиливаться в эпоху Путина.

³⁰ По этой теме см. работы Marlène Laruelle, в особенности : « L'idéologie eurasiste russe ou Comment penser l'empire », préface de Patrick Sériot, Paris- Montréal, l'Harmattan, « Essais historiques », 1999. И из недавнего: « La quête d'une identité impériale. Le néo-eurasisme dans la Russie contemporaine », Paris, Éditions Pétra, « Sociétés et cultures post-soviétiques en mouvement », 2007 («Русская евразийская идеология или как представить империю», «Поиск имперской идентичности. Неоевразизм в современной России»).

³¹ См. Isabelle Facon « La Russie, l'OTAN et l'avenir de la sécurité en Europe », Politique étrangère, n° 3, août 1997, стр. 295 («Россия, НАТО и будущее безопасности в Европе»).

3.3. РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В ЭПОХУ ПУТИНА

Не очень известный в западных СМИ на момент своего прихода к власти в 1999-2000 гг., и сперва показавшийся непримечательным человеком, лишенным харизмы, Владимир Путин, премьер-министр, ставший президентом, очень скоро взялся реформировать российскую дипломатию, при участии министра иностранных дел, сначала Игоря Иванова до 2004 г., а затем Сергея Лаврова.

В самом начале 2000-х гг., Россия и Запад разделяли желание к сближению, укрепившееся после событий 11 сентября 2001. Российские власти в это время стремятся вернуть себе геополитическое влияние и воспользоваться экономической динамикой еврозоны, чтобы стимулировать национальное развитие, в то время как Европейский Союз, все более заботящийся о диверсификации поставок энергии, обращается к России: за каких-то несколько лет она становится одним из главных торговых партнеров ЕС, который, в свою очередь, поднимается до уровня главного коммерческого партнера России. Кроме того, рост экономических связей происходит на обновленной институциональной основе, что кажется благоприятным. В мае 2003 г. на саммите ЕС-Россия в Санкт-Петербурге объявляется о создании «четырех пространств»: общего экономического пространства, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства сотрудничества в области внешней безопасности и пространства науки и образования.

Но, несмотря на кажущиеся успехи, это общее стремление к сближению вскоре столкнулось с трудностями, и, начиная с 2002 г., со все более ощутимой напряженностью. Конечно, эта напряженность менее сильная, чем накаленные российско-американские отношения, которые после временного улучшения в связи с событиями 11 сентября претерпевают сегодня глубокий кризис, но при этом она не менее реальная.

С российской стороны настороженность в отношении Европы возросла в связи с двумя масштабными вопросами: в первую очередь из-за расширения Европейского союза на восток: так, в 2004 г. ЕС принял в свой состав десять новых членов, из которых 8 – бывшие коммунистические страны, таким образом подпитывая параноидальный страх российских властей быть отброшенными на восток; во-вторых, по причине «цветных революций», которые произошли на бывшей советской территории (Грузия – 2003 г., Украина – 2004 г., Киргизия – 2005 г., Молдавия – 2009 г.); по мнению российских властей эти цветные революции не являются произвольными, отражающими стремление к получению прав и свобод, а напротив, являются пагубными действиями, цель которых – устроить передел геополитической карты «ближнего зарубежья», чтобы затем дискредитировать путинский режим, а затем его свергнуть.

Со стороны Европейского союза недовольство также нарастало. В первую очередь поскольку с начала второго, а особенно третьего срока президента Путина, Брюссель неодобрительно оценивает все более частые нарушения

прав человека и гражданских свобод в России, а также беспокойно наблюдает за ростом авторитарного режима, который непрестанно удаляется от уровня правового государства. Более того, поскольку на протяжении последних лет российская тенденция использовать энергетические поставки в качестве политического оружия вызвало у Евросоюза глубокое ощущение небезопасности по отношению к России, все менее и менее надежной в плане своей энергетической стратегии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этих и без того напряженных условиях год назад развернулся мучительный украинский кризис. С самого начала разросшийся на взаимных ошибках, провокациях и просчетах, возникший конфликт с каждым днем приносит массу страданий и жестокости, значительную долю грубой дезинформации, и жесткие реакции в соответствии с важностью затронутых кризисом вопросов самосознания. Сегодня украинский кризис кажется непреодолимым. Что касается российско-европейского диалога, то он едва ли приводит к ощутимым результатам, поскольку позиции обеих сторон кажутся непримиримыми. Для Запада присоединение Крыма и активная военная поддержка Москвой донецких сепаратистов является недопустимым нарушением международного права, повлекшее наложение санкций, к которым Европа присоединилась вслед за Соединенными Штатами. Для российской власти западная позиция отражает глубокую неспособность как США, так и Евросоюза, понять характер российских стратегических интересов и принять их во внимание.

Через двадцать пять лет после подписания Хартии для новой Европы этот диалог глухонемых и эта напряженность говорят о том, что идеализм Горбачева, который призывал к созданию общего европейского дома, основанного на совместных ценностях и принципах, продемонстрировал свою несостоятельность: время западников на сегодня прошло. В лихорадочных поисках самосознания Россия Путина ищет ориентиры, среди которых беспорядочно и, порой, противоречиво переплетаются имперские, евразийские, националистские, антизападнические или ксенофобные настроения. Будет ли этот новый курс долговременным, и повлечет ли он за собой продолжительный период изоляции, как это уже происходило на протяжении многовековой истории российско-европейских отношений? Или это лишь временный кризис? На этот ключевой вопрос мы надеемся получить ответы в ближайшие месяцы.